

Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт*

Руслан Семенович ГРИНБЕРГ

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: grinberg@inecon.ru
ResearcherID: H-8175-2016

Олег Олегович КОМОЛОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Ленинградский пр., д. 49
Институт экономики Российской академии наук
Москва, 117218, Российская Федерация, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: oleg_komolov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6944-7925; Researcher ID: D-8347-2018

Аннотация. Статья посвящена проблеме импорта институтов, которая выражается в форме заимствования обществом традиций, обычаев и норм поведения, развившихся в иной институциональной среде. Нередко такой импорт сопровождается атрофией и перерождением институтов, а также дисфункцией институциональной макроструктуры. Возникающие при этом так называемые институциональные ловушки порождают серьезные риски для развития стран-реципиентов. Историческим примером реализации таких рисков стала попытка трансплантации институтов ортодоксального или радикального либерализма в странах постсоветского пространства, которые ожидали модернизации своих экономик, а получили диаметрально противоположный

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

Для цитирования: Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2

For citation: Grinberg R.S., Komolov O.O. Import of institutions: theoretical aspect and practical experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2

результат – примитивизацию структур. Альтернативой такому ходу событий могло бы стать применение институтов социального рыночного хозяйства (СРХ). Поскольку концепция СРХ сочетает механизмы рыночного саморегулирования с систематическим государственным интервенционизмом, присутствовала возможность провести системную трансформацию с меньшими социальными издержками, во-первых, и без тотальной дезиндустриализации, во-вторых. Возникает реальная потребность в более широком взгляде на формирование рыночного равновесия, что предполагает включение в число самостоятельных рыночных субъектов государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Только такой подход обеспечивает оптимизацию институциональной среды современного общества в целом и критерии отбора импортируемых институтов в частности. Новизна работы заключается в обосновании учета взаимозависимости институтов страны-экспортера при выборе самого эффективного из них, а также в необходимости оценки последствий его внедрения в институциональную среду государства-реципиента. Авторы приходят к выводу о том, что импорт соответствующих институтов должен сопровождаться синтезом «социального» и «рыночного», что может быть достигнуто только в гармонии взаимодополнения, а не в выстраивании иерархии между ними.

Ключевые слова: трансплантация институтов, институциональные ловушки, рынок институтов, социальное рыночное хозяйство, неолиберализм.

Введение

Общественные институты формировались в результате многовековой эволюции как составляющая того или иного типа производственных отношений, свойственных разным способам производства. В процессе институциональной трансформации общество стремится сократить транзакционные издержки, которые были названы К. Эрроу издержками эксплуатации экономических систем [1, с. 55]. Рост транзакционных издержек исторически усиливает предпосылки к разрушению старых институтов и становлению новых – выработанных внутри системы либо заимствованных извне.

Институты во многом эволюционируют стихийно под воздействием разных социально-экономических факторов, возникают «снизу» и закрепляются государством. Однако внедрение институтов может быть насильственным. В этом случае господствующий класс с помощью государства навязывает всему обществу новые (как правило, радикально новые) нормы поведения. В такой ситуации частым случаем является импорт институтов как попытка за короткий срок с помощью уже готовых рецептов построить общественные отношения, которые считаются более развитыми и эффективными. Тогда, как отмечает А. Олейник, роль государства вместо чисто технической, сведенной к формальному, правовому закреплению соотношений классовых сил, становится главенствующей [2, с. 43].

Такой процесс замещения неразрывно связан с рынком институтов. В нем устранение слабых институтов способствует выживанию тех, которые обеспечивают наибольшую эффективность при координации действий экономических субъектов [3, с. 17]. На рынке институтов роль своеобразных товаров играют формальные институты и формы их закрепления. При этом неформальные институты не могут выступать объектом купли-продажи и появляются вследствие реакции на движение формальных норм и правил. Спрос на рынке институтов создают разные субъекты экономики: государство, формы, домохозяйства и пр. Для них основу потребительной стоимости «товара-института» составляет возможность как снижения, так и увеличения транзакционных издержек.

Желание обеспечить максимизацию прибыли будет толкать экономических агентов к сокращению издержек, в т. ч. транзакционных. В этом случае спросом будут пользоваться такие координационные институты, как защита частной собственности, свобода ценообразования, свобода движения капитала, прозрачность и стабильность государственного управления. В случае, когда агент пытается получить преимущества (ренту) за счет увеличения транзакционных издержек других участников экономики, он будет предъявлять спрос на соответствующие распределительные институты:

ограничение конкуренции, внешнеторговые пошлины, рыночные барьеры, управление валютным курсом и т. д. Предложение на рынке формальных институтов представлено традиционно органами государственной власти, а между продавцами возникает конкуренция. Победу в конкурентной борьбе одерживает тот поставщик институтов, который смог в собственной практике обеспечить минимальный конфликт между формальными и неформальными нормами и правилами. Когда они не противоречат друг другу, издержки контроля за соблюдением формальных правил игры снижаются, уменьшая издержки от их создания. Если такой конфликт существует, то издержки предложения растут, а процесс внедрения института становится сложнее. Институциональные трансакции (понятие, введенное Д. Бромли [4, с. 110]) – акты «купли-продажи» на рынке институтов, осуществляемые через неформальные контракты – происходят тогда, когда для рационального покупателя внедрение института приводит к сокращению трансакционных издержек или росту ренты.

Вопросы импорта институтов в контексте роли государства рассматривают И. Рождественская и В. Тамбовцев [5]. Методологические подходы к проблеме импорта институтов и смежных категорий (заимствование, трансплантация, выращивание и др.) изучены Е. Капогузовым, С. Левиным и К. Саблиным [6]. Противоречиям импорта институтов развивающимися странами с высоким темпом экономического роста на примере стран БРИКС посвящена работа М. Жарикова [7]. В развитие темы настоящее исследование посвящено вопросам заимствования институтов на примере проблем российской социально-экономической модели, вызванным противоречиями трансплантации институтов ортодоксального или радикального либерализма в постсоветский период.

Издержки трансплантации институтов

Заимствование институтов, развившихся в отличной институциональной среде, В.М. Полтерович называет «трансплантацией» [8, с. 24]. Трансплантация и импорт институтов – схожие по смыслу понятия. Однако правильно было бы их представлять как явления, вытекающие одно из другого. Так же, как импорт товара из-за рубежа не означает его автоматического потребления в стране-покупателе, «завоз» тех или

иных правил игры из внешнего мира требует их дальнейшего «вживления» в организм национальной экономики и создания таких условий, при которых они не будут отторгнуты. Выбор импланта представляет собой рыночную процедуру, когда реципиент (страна) приобретает необходимый товар на рынке институтов. При этом рынок институтов подвержен гораздо большим девиациям, чем традиционные рынки материальных благ или услуг. По этой причине особая роль в процессе трансплантации принадлежит нерыночным силам, в особенности государству. И здесь одной из главных проблем становится влияние на процедуру выбора институтов, необходимых агентам с разными интересами, а также установление критериев для отбора институтов: какие институты и из каких стран необходимо (и вообще возможно) импортировать.

Обычно под импортом институтов подразумевается заимствование традиций развитой страны со стороны отстающей. Однако определить иерархию институтов с точки зрения их развитости зачастую затруднительно. Это касается как политических систем (в какой стране демократия развита лучше: там, где соблюдаются формальные признаки политической конкуренции и сменяемости власти, или там, где реальные возможности достичь высших государственных постов имеют выходцы из социальных низов?), так и экономических моделей (всегда ли институт частной собственности выступает гарантом политической свободы и демократии, или же, наоборот, создает условия для становления монопольного диктата?).

Г.Б. Клейнер, говоря о качестве институтов, оценивает его с точки зрения целостности институциональной системы [9, с. 112]. Она понимается как полное взаимодействие и тесная связь элементов институциональной системы, которая обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие страны, а также ее соответствие общему вектору исторического институционального развития данного общества. Это, с одной стороны, позволяет оценить институциональную систему с точки зрения гармоничного взаимодействия с культурной, национальной, исторической, когнитивной системами. С другой – ограничивает степень свободы институциональной системы при ее трансформациях. В случае если эти условия не

соблюдаются, заимствование институтов происходит в форме отдельных фрагментов социально-экономических моделей других стран. Вследствие этого образуются неустойчивые «квазиинституты», которые способны выполнять лишь малую часть ожидаемых функций. Г.Б. Клейнер отмечает, что такие институты похожи скорее на протез, чем имплант [9, с. 86]. В связи с этим особую важную роль в процессе институциональных преобразований начинают играть институциональное проектирование и создание инструментов институциональной стабилизации. Если эти условия не выполняются, институциональный протез может быть отторгнут обществом и вовсе перестать выполнять ожидаемые функции.

По мнению В.М. Полтеровича [10, с. 28], если трансплантируемый институт внедряется без согласования с местными культурными традициями и институциональной структурой страны, возникают его атрофия и перерождение. Например, институт банкротства при трансплантации в модель периферийного капитализма в России превратился из инструмента повышения эффективности системы в способ присвоения собственности. Дж. Итон [11, с. 1310] выделяет еще один пример неэффективной трансплантации институтов – парадокс передачи, означающий, что в результате импорта института продавец наращивает выигрыш за счет реципиента. Примером здесь может послужить либерализация экономических отношений в России в 1990-е гг., когда экспорт российских сырьевых товаров по низким ценам, отток капитала и «утечка мозгов» обогатили поставщиков институтов свободного рынка, обескровив российскую экономику.

Поскольку рынок институтов позволяет заимствовать преимущественно формальные нормы и правила, при внедрении в чуждую среду неформальных институтов работоспособность их снижается. Как отмечают П. Милгром, Д. Норт и Б. Вейнгаст [12, с. 15], неформальные институты по своей сути ригидны и трудно трансформируются под воздействием импортированных формальных. Скорее, наоборот, они сами их значительно трансформируют, а радикальное изменение институционального окружения, особенно в краткосрочном периоде, почти невыполнимо.

В работах американских институционалистов Д. Норта и Р. Томаса получила развитие «оптимистическая» модель институциональной эволюции. Она подразумевает сглаживание различий в экономическом развитии, снижение трансакционных издержек и повышение экономического роста у менее развитых экономик по мере применения ими импортных институтов развитых обществ. При этом отмечается, что заимствование формальных правил не составляет проблемы. Однако «само по себе наличие таких формальных правил не гарантирует эффективности приспособления», не всегда способствует экономическому росту [13, с. 315]. Не менее важно развитие неформальных норм и правил, которые не являются лишь простым дополнением к формальным отношениям. Они формируют уникальную среду, в которой одни и те же формальные правила начинают действовать по-разному.

Так, в ряде стран Латинской Америки после завоевания независимости приняты конституции, за основу которых был взят основной закон США. Суверенные государства также скопировали правовую систему Соединенных Штатов, однако их развитие пошло разными путями. «Создание эффективных инвестиционных и товарных рынков есть сложный процесс. Единственное, что нам известно, – это то, что создание таких рынков требует дополнения формальных правил неформальными ограничениями и действительными средствами принуждения к соблюдению договоров» [13, с. 315].

Норт пытается дать ответ на вопрос, почему сглаживание различий между экономикой разного уровня происходит далеко не всегда, а часто развитие разных обществ и вовсе может идти не сближающимися, а расходящимися путями. При этом социально-экономическим системам присуща тенденция воспроизводить неэффективные институты, которые могут привести к стагнации и упадку.

Первая причина – неэффективное государство. В условиях постоянного углубления разделения труда и специализации становится невозможным обеспечить сокращение трансакционных издержек без активного участия государства. Этого не произойдет, если государство не обеспечивает соблюдение норм и правил, а ведет себя как «хищник», увеличивая собственные доходы. Часто доходы высшей бю-

рокрации становятся тем больше, чем менее эффективны институты. Особенно остро это проявляется в вопросах структуры прав собственности, «которая хотя и неэффективна, но зато легче поддается контролю и создает больше возможностей для взимания налогов» [14, с. 5]. Без достаточной социально-политической активности «низов» заимствованные у общества институты не будут работать эффективно: «Защиту и обеспечение прав собственности берут на себя правительства, так как они могут осуществить это с меньшими издержками, нежели неофициальные группы на добровольных началах. Однако финансовые нужды правительства могут вызвать такую защиту некоторых прав собственности, которая будет скорее препятствовать, нежели способствовать экономическому росту: поэтому у нас нет гарантий, что продуктивные варианты институционального устройства реально возникнут», — отмечают Норт и Томас [13, с. 48].

Вторым препятствием на пути эффективно-го заимствования институтов является влияние сильных политических группировок на законодательный процесс. Возникает асимметрия интересов между этими группами и обществом. Как пишет Норт, «даже если правители захотят принимать законы, руководствуясь соображениями эффективности, интересы самосохранения будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы могут ущемить интересы сильных политических группировок» [14, с. 72].

Третьей преградой становится проблема «избранной траектории» (path dependence), которая часто довлеет над внедряемыми институтами. Старые, уже сложившиеся нормы и правила легче принимаются общественным сознанием и затрудняют принятие новых норм. Внедрение новых институтов требует существенных материальных вложений даже в том случае, когда старые институты становятся откровенно неэффективными, принося постоянно растущие трансакционные издержки. Схожей точки зрения придерживаются Е. Фуруботн и С. Пейович. Они отмечают, что «новые права собственности создаются, а существующие изменяются, когда некоторые индивидуумы и группы считают, что им выгоднее перестройка системы, и они согласны нести издержки по ее осуществлению» [15, с. 8].

Институциональные ловушки

Выбор ошибочных стратегий при осуществлении институциональных реформ формирует негативные эффекты, именуемые институциональными ловушками. Это «неэффективные, но стабильные нормы или институты», а также «неэффективные равновесия, порождаемые соответствующей нормой» [16, с. 5]. В качестве примера можно привести систему уклонения от уплаты налогов. Такая норма приобретает устойчивость, если экономическим агентам становится невыгодно отклоняться от нее. Действует эффект координации: чем большее количество участников экономики следует сложившимся правилам, тем ниже будут трансакционные издержки каждого из них, несмотря на то, что экономическая система в целом может понести ущерб. Например, чем больше компаний уклоняется от налогов, тем ниже будет риск наступления ответственности у каждой из них. При этом отказ от следования принятой нормы создает особый тип издержек — трансформационных. Такие издержки понесет компания, желающая работать «в белую» и несущая дополнительные издержки на поиск таких же контрагентов, как и она. «Со временем трансакционные издержки <...> убывают вследствие эффекта обучения: агенты приобретают навыки и изобретают технологии, сокращающие расходы» [16, с. 7]. Чтобы выйти из институциональной ловушки, государство должно с помощью политики экономического регулирования создать ситуацию, когда трансформационные издержки оказываются ниже трансакционных. С одной стороны, этого можно добиться, повышая трансакционные издержки неэффективной нормы через ужесточение ответственности для нарушителей закона и повышение эффективной работы надзорных органов; с другой — упрощая совершение сделок, делая законодательство более прозрачным, поддерживая честное предпринимательство и т. д. По мнению В.М. Полтеровича, общество способно самостоятельно преодолеть институциональные ловушки, развивая гражданскую культуру [16, с. 11].

К институциональным ловушкам также можно отнести проблему нецелевого использования институтов. Оно возникает тогда, когда институт, первоначально являвшийся источником общественного блага, становится инстру-

ментом извлечения ренты в руках отдельных агентов. Сюда относятся манипулирование и подчинение институтов, эксплуатация информационной асимметрии [18, с. 12]. В качестве примера можно назвать институт налоговых льгот, который существует для того, чтобы освободить экономических агентов от ряда налоговых обязательств. Оппортунистическое поведение отдельных налогоплательщиков может выражаться в попытке уклониться от уплаты налогов: компания предпринимает шаги, которые не определяются логикой или целями бизнеса, но позволяют ей формально соответствовать критериям реципиента льгот и пользоваться привилегиями, предназначенными для других участников рынка. Возникновение институциональных ловушек напрямую связано с издержками неудачного импорта институтов. Так, институт страхования банковских вкладов, который изначально рассматривался как механизм защиты и интересов рядовых клиентов банков и повышения их уверенности в устойчивости банковской системы, превратился в инструмент обогащения банковских инсайдеров и недобросовестных вкладчиков. В результате это привело не к сокращению, а к росту общественных издержек.

Выбор институтов: ожидания и результаты

Чтобы оценить влияние импорта институтов на результаты рыночных реформ в постсоциалистических странах в целом и в России в частности, необходимо учитывать институциональные предпосылки их социально-экономической динамики. Речь идет о правовых нормах, культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, то есть о формальных и неформальных правилах, принятых в том или ином обществе. Именно они оказывали и оказывают существенное воздействие на мотивы и намерения реформаторов в процессе трансформации одной системы в другую.

Механическое заимствование норм и правил, сложившихся в иной культурной среде и других условиях, может оказаться не только неэффективным, но и абсолютно контрпродуктивным с точки зрения ожидаемых результатов реформ. Решающую роль здесь играют существенные различия между формальными и неформальными правилами. Неформаль-

ные ограничения быстро изменяться не могут, так как опираются на устойчивые стереотипы мышления и, соответственно, поведения. Если формальные правила можно изменить быстро и радикально, то неформальные правила, как правило, консервативны. И именно это обстоятельство подрывает шансы на благотворное укоренение заимствованных институтов.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что неожиданно (для реформаторов) высокая социальная цена российской трансформации во многом обусловлена игнорированием институциональной компоненты в дизайне и реализации политики «транзита» от одной системы к другой. Дело здесь не только в том, что за годы реформ экономика страны росла в среднем всего лишь на один процент в год, в связи с чем Россия оказалась среди самых отстающих стран мира по показателю хозяйственной динамики. В ней пока не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же нужно отнести появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в позднем СССР пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса [19, с. 177].

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет такую же суровую борьбу за существование, как в советские времена. Не удивительно, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы до сих пор в значительной мере дискредитированы.

Ошибка «спонтанности», или дисфункция экзогенного заимствования институтов характерна не только для России, но и для стран Восточной Европы. Однако в России политика реформ, основанная на догматике свободного рынка, в силу некоторых особенностей общественного сознания стала особенно провальной, что лишней раз подтверждает серьезные риски импорта институтов без учета неформальных правил, характерных для страны-реципиента.

Наглядный пример такого «неучета» в постсоветской России – приватизация госсобственности, проведенная таким образом, что оказалось невозможным придать ей легитимный характер, создать эффективного собственника, предотвратить череду захватов и переделов объектов собственности, а также избежать конъюнктурной резатизации (возвратного огосударствления) собственности. В ходе реформ так и не удалось создать устойчивые государственные, социальные, экономические и правоохранные институты, призванные обеспечить независимость собственности от государства, то есть преодолеть исторически сложившийся примат власти над собственностью.

Чем полезны институты, вытекающие из концепции социального рыночного хозяйства сегодня?

Была ли такому развитию событий хоть какая-нибудь разумная альтернатива? Наш ответ – несомненно, была. Все могло бы быть иначе, если бы политика рыночных реформ основывалась не на идеологии радикального либерализма, а, например, на прагматической концепции социального рыночного хозяйства (СРХ) [20, с. 100].

Фундаментальная идея СРХ, которую без всяких оговорок можно рассматривать как в высшей степени актуальную для нашего времени, – это признание равноценности механизмов рыночного саморегулирования и государственного интервенционизма. Учет такого своего рода «принципа равноценности» имеет, можно сказать, экзистенциальное значение для сегодняшней России, где с большим трудом прививается культура компромиссов и консенсусов, дискуссии чаще всего выливаются в идеологические перепалки, приобретающие характер манихейского противостояния добра и зла. Словом, концепция СРХ и, соответственно, практика ее применения в ФРГ могла бы быть исключительно полезной при выборе способа перехода России от центрально управляемой экономики к рыночной.

Необходимо отдавать себе отчет, что сопоставления такого рода весьма условны. Каждая страна уникальна, как уникальны и условия, в которых решаются примерно одинаковые задачи, поэтому следует проявлять максимальную осторожность относительно выводов, особенно

тех, которым мы вольно или невольно придаем универсальный характер. И все-таки, если и была потребность учиться на опыте других, то наиболее подходящим объектом в этом отношении могла бы быть послевоенная Западная Германия.

Сходство стартовых условий для системной трансформации в ФРГ и в постсоветской России просматривается со всей очевидностью. Во-первых, обе страны нуждались в переходе от тоталитарных политических режимов к системам плюралистической демократии и одновременном формировании экономики рыночного типа. Во-вторых, и там, и здесь такой своего рода гибридный переход неизбежно должен был сопровождаться материальным расслоением социума и снижением и без того низкого уровня жизни большинства граждан. Следовательно, в обеих странах необходимо было проводить ту или иную социальную политику, смягчающую тяготы реформ. Наконец, в-третьих, для экономической и социальной политики в условиях системной трансформации нужна была хоть какая-то теоретическая база. В ее роли выступила концепция СРХ, которая, как широко известно, в течение чуть ли не четверти века пользовалась в Европе безупречной репутацией как в академическом сообществе, так и в деловом мире.

Риски «бесприлагательного» рыночного хозяйства

Казалось, проверенная временем история успеха теории и практики СРХ обратит на себя внимание российских реформаторов, взявших за грандиозное дело преобразования страны в современное демократическое государство с рыночной экономикой. Но этого не произошло.

Дело в том, что после Великой депрессии (1929–1933) и Второй мировой войны в академическом мире Европы царили антикапиталистические настроения, в то время как сорок лет спустя, то есть именно тогда, когда началась системная трансформация постсоциалистических стран, «дух времени» в мире был уже принципиально иным. Мировоззренческий тренд сменился на противоположный: прежнее неприятие «свободного рынка» обернулось его почти безоговорочным обожанием, чему в значительной мере способствовал, конечно, и

распад мировой социалистической системы. При этом антисоциалистические настроения в интеллектуальных элитах Запада в начале 80-х оказались настолько сильными, что простое упоминание прилагательного «социальный» в позитивной коннотации считалось почти неприличным.

Стало принято считать, что рыночная экономика, если она эффективна, социальна сама по себе и поэтому не нуждается в дополнительном определении. В переводе с буквально-го немецкого это звучит как «бесприлагательное» рыночное хозяйство (*adjektivlose Marktwirtschaft*). Характерно при этом, что под напором радикального либерализма сами немцы уступают новой моде. Значительная часть немецкого академического сообщества совершает своего рода «предательство» идеалов СРХ, отказываясь от понятия «социальное».

Все это, как уже отмечалось выше, привело к печальным последствиям для трансформационных процессов в странах ЦВЕ и СНГ, которым, с нашей точки зрения, пришлось иметь дело с таким феноменом как «историческое невезение». Переход к свободе, демократии и рынку бывших социалистических стран начался на пике популярности, если не сказать обожаания, идеологии радикального либерализма, то есть ничем не регулируемого рыночного хозяйства. А в условиях почти безоговорочного принятия превалирующих в данный момент западных теоретических конструктов это обстоятельство превратилось, как ни парадоксально, в мощный фактор, препятствующий приближению стран к стандартам благополучия государств-основателей Европейского Союза.

Разумеется, в таких условиях не могло быть и речи о востребованности концепции СРХ элитами постсоциалистических стран, тем более что международные институты, опекавшие их транзит к рынку (МВФ и МБРР), сами были носителями идей рыночного фундаментализма. Разве не разумно предположить, что, если бы переход к рынку состоялся здесь в середине 60-х гг. (косыгинские реформы и пражская весна), содержание системной трансформации оказалось бы принципиально иным? Во всяком случае, ее социальная цена была бы явно ниже хотя бы потому, что «дух времени» тогда благоволил и справедливости и свободе, что,

собственно, и составляет суть СРХ. Отказ от концепции социального рыночного хозяйства не мог не сказаться на выборе импортируемых институтов, призванных обеспечить наиболее эффективный вариант трансформации плановой экономики в рыночную. В результате трансплантация, так сказать, «рыночных» институтов при игнорировании «социальных» обернулась институциональной ловушкой.

Самым серьезным, на наш взгляд, просчетом отечественных реформаторов послужило принятие тезиса о вреде институтов социального выравнивания, призванных смягчать тяготы объективно болезненного перехода от директивно-плановой экономики к рыночной. Если концепция СРХ предполагала обязательность введения прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов с начала системных преобразований, то в России решили отказаться от такого института, следуя неолиберальному принципу права на неравенство, получившему популярность в ходе реформ М. Тэтчер. В результате, как известно, доходное и имущественное неравенство в стране не только было восстановлено, но и в разы увеличилось. Накануне распада Советского Союза средний доход 10 процентов самых состоятельных его граждан в 3 раза превышал средний доход 10 процентов самого бедного населения страны, а сегодня этот показатель вырос до 15 раз. В странах же, преданных принципам СРХ (Западная и Северная Европа), которые принято считать образцовыми с точки зрения устройства человеческого общежития, разрыв между доходами богатых и бедных составляет 6–7 раз [17, с. 96]. Следовательно, пренебрежение институтом социального выравнивания привело к тому, что избыточное равенство доходов в СССР сменилось их избыточным неравенством в постсоветской России со всеми отмеченными выше негативными последствиями.

Это всего лишь один из примеров неудачного внедрения «прогрессивного» института в реформируемую экономику, которая вместо ожидаемого устойчивого развития приобретает прямо противоположную, отрицательную динамику. То же в России произошло и с институтом конкуренции. Как предполагали реформаторы, он заработает сам по себе после отмены директивного ценообразования,

государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность и введения частной собственности на средства производства. На самом деле быстро стало ясно, что без создания мощной конкурентной институциональной среды неизбежна картелизация реформируемой экономики, обесценивающая и дискредитирующая в глазах общественности в принципе незаменимые рыночные механизмы саморегулирования. Особого упоминания в ряду случаев дискредитации механизмов «свободного рынка» заслуживают неустанные попытки правительства распространить принципы самокупаемости и самофинансирования на так называемый гуманитарный сектор экономики, куда относятся образование, здравоохранение, наука и культура. Игнорирование мериторной сущности производимых здесь благ ведет к их хроническому недофинансированию со стороны государства, что в свою очередь блокирует развитие человеческого потенциала страны и тем самым замедляет процесс ее реальной модернизации.

Заключение

Представленная работа посвящена теоретическим аспектам проблемы импорта институтов и их практическому проявлению на примере рыночных реформ в России в 1990-е гг. Результаты проведенных исследований показывают, что из российской практики заимствования западных институтов было бы полезно извлечь следующие уроки. Каким бы перспективным ни казался тот или иной импортируемый институт и откуда бы он ни исходил, его трансфер принесет скорее вред, чем пользу, если в стране не создана соответствующая институциональная среда, состоящая из формальных и неформальных отечественных правил. Кроме того, следует исключить какие-либо идеологические предпочтения при выборе импортируемого института. Не должны учитываться различия между ортодоксальным и, так сказать, социальным либерализмом как синонимом концепции СРХ, тем более что, по существу, ортодоксальный либерализм — просто первая

часть данной концепции. Иначе говоря, социальный либерализм — это не что иное как продолжение ортодоксального либерализма, когда институты свободы сливаются с институтами справедливости. Получив прилагательное «социальный», либерализм становится не только законченной доктриной, но и — что в данном случае особенно важно — прагматической концепцией, предлагающей государству различные (порой диаметрально противоположные) варианты экономической политики. При таких условиях исчезает почва для упрощенных представлений о реальности и утрачивают смысл некоторые дилеммы: все приватизировать или все национализировать; все зарегулировать или подвергнуть дерегулированию; свобода или безопасность; эффективность или справедливость. Единственный безальтернативный императив здесь — это поиски оптимального баланса, что также входит в зону ответственности государства, призванного удовлетворять потребности общества.

Теоретические изыскания в области экономики и на Западе, и на Востоке в последнее время признают наличие особого общественного интереса, который не сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике и в формировании ее институциональной среды [21, с. 55]. Оно уже не просто вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый несводимый общественный интерес. Иначе говоря, возникает реальная потребность в более широком взгляде на формирование рыночного равновесия, предполагающем включение в число самостоятельных рыночных субъектов государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Только такой подход обеспечивает оптимизацию институциональной среды современного общества в целом и критерии отбора импортируемых институтов в частности.

Литература

1. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизм распределения ресурсов // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 53–68.
2. Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 416.

3. Alchian A.A. *Economic Forces at Work*. Indianapolis: Liberty Press, 1977. Pp. 15–35.
4. Bromley D.W. *Economic Interests and Institutions. The Conceptual Foundations of Public Policy*. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 274.
5. Рождественская И.А., Тамбовцев В.Л. Импорт институтов и диффузия идей // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 468–479.
6. Капогузов Е.А., Левин С.Н., Саблин К.С. Что понимается под импортом институтов // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 480–487.
7. Zharikov M. The Import of Institutions to the BRICS Countries. *BRICS Law Journal*, 2020, no. 7 (1), pp. 27–58.
8. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
9. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: ЦЭМИ РАН, 2004. 240 с.
10. Eaton J. Foreign Public Capital Flow. In: H. Chenery, Srinivasan T.N. (eds.). *Handbook of Development Economics*. 1989, v. II, Elsevier Science Publishers B.V., pp. 1306–1386.
11. Milgrom P., North D., Weingast B. The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs. *Economics and Politics*, 1990, no. 1, pp. 1–23.
12. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики. От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993. 440 с.
13. North D., Thomas R. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 171 p.
14. Furuboth E.G., Pejovich S. *The Economics of Property rights*. Cambridge, 1974. 276 p.
15. Полищук Л.И. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.
17. Воейков М, Анисимова Г. Социальный контекст экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2017. № 10. С. 95–117.
18. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и Статьи. М.: Наука, 1996. 582 с.
19. Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические итоги 90-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016. С. 177–179.
20. Mueller-Armack A. *Vorschläge zur Verwirklichung der Sozialen marktwirtschaft*, 1948. 456 p.
21. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2016. С. 55–60.

Сведения об авторах

Руслан Семенович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Олег Олегович Комолов – кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр., д. 49), старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Grinberg R.S., Komolov O.O.

Import of Institutions: Theoretical Aspect and Practical Experience

Abstract. The article is devoted to the problem of import of institutions, which is manifested in the form of society's borrowing of traditions, customs, and norms of behavior that developed in a different institutional environment. Such import is quite often accompanied by atrophy, regeneration of institutions and dysfunction of institutional macrostructure. Emerging so-called institutional traps cause serious risks for development of recipient countries. A historical example of the implementation of such risks was an attempt to transplant institutions of orthodox or radical liberalism in post-Soviet countries which expected modernization of their economies but received a diametrically opposite result – the primitivization of structures. An alternative to this course of events could be the usage of social market economy institutions (SME). Since the essence of the SME concept is a combination of market self-regulation mechanisms with a systematic state interventionism, it was possible to carry out a systemic transformation with, first, lower social costs and, second, without total deindustrialization. There is an existing need for a broader perspective on the formation of market equilibrium, which implies the inclusion in a number of independent market entities of the state that seeks to maximize its own function of social utility. It is the only approach that ensures the optimization of modern society's institutional environment in general and criteria for selecting imported institutions in particular. The novelty of the work is the justification of considering the interdependence of an exporting country's institutions, while choosing the most efficient one, and the need to assess consequences of its implementation in a recipient state's institutional environment. The authors conclude that the import of corresponding institutions should be accompanied by a synthesis of "social" and "market". It could be achieved only with the harmony of complementarity of both these aspects, not with the construction of a hierarchy between them.

Key words: transplantation of institutions, institutional traps, market of institutions, social market economy, neoliberalism.

Information about the Authors

Ruslan S. Grinberg – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Scientific Supervisor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Oleg O. Komolov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Pr., GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Статья поступила 20.04.2020.